

образование—великое счастье для человека, дѣлая его самостоятельнымъ и, наконецъ, указала ей, что въ Петербургѣ есть такія школы для дѣвочекъ, гдѣ учатъ и иностранными языками, и русской исторіи, и литературѣ, и рукодѣлю; однимъ словомъ, сбила всякими бреднями съ толку дѣвочку, и та, по свойственнымъ ей настойчивости и упрямству, настояла, чтобы ее отдали въ такую школу. Шеллер-Михайлова,

Центральной и положительной фигурой романа является именно эта старшая дочь Варвара. Когда Чупруненко попалъ въ тюрьму и подѣ судъ за растроченныя казенныя деньги, а семья окончательно раззорилась, Варвара, съ помощью своего прежняго учителя Нащокина (очень талантливо обрисованнаго г. Шеллеромъ), открыла школу и стала кое-какъ содержать семью. Ея братъ Евгений, несмотря на то, что ничему не учился, оказался шустрымъ малымъ: онъ женился на богатой наследницѣ и сдѣлался биржевымъ дѣльцомъ. Онъ проповѣдывалъ съ безцеремонностью нахала и невѣжды практическую мораль, которая состояла въ томъ, чтобы ничѣмъ не стѣсняться въ пріобрѣтеніи чужого добра. По этому поводу онъ имѣлъ привычку поговорить: «Дарвинъ только подтверждаетъ то, что народъ своимъ трезвымъ умомъ подмѣтилъ давно, и даже въ побасенкахъ выразилъ, какъ въ природѣ все и все пожираютъ другъ друга: зайчикъ—капусту, зайчика—волки,—борьба за существованіе вездѣ». Сестра Варвары—Евгенія, какъ это обыкновенно бываетъ, когда дѣвушка хорошенькая и кокетливая не встрѣчаетъ въ семьѣ ничего, кромѣ ругани, побоевъ и грязныхъ сценъ,—пошла по торной дорожкѣ разврата. Отъ Нащокина у Варвары была дочь Зоя; но и этому послѣднему отпрыску пошлой мѣщанской семьи не посчастливилось: она влюбилась въ какого-то офицера и сошлась съ нимъ; разумеется, офицеръ обманулъ ее и она отравилась...

Вотъ и весь романъ этой «смѣны поколѣній». Въ романѣ встрѣчаются сплошь и рядомъ мастерски написанныя сцены: г. Шеллеръ чудесно знаетъ быть петербургскаго мелкаго чиновничества, эту мѣщанскую жизнь, гдѣ нужда, невѣжество, корыстныя побужденія, грязныя инстинкты окончательно извращаютъ людей и дѣлаютъ ихъ скорѣе похожими на звѣрей, чѣмъ на существа, сотворенныя по образу и подобию Божію. Картина, получаемая благодаря такому художественному анализу, возмутительна своими подробностями, но правдива. Нельзя, однако же, сказать, чтобы авторъ былъ нессимистомъ: онъ и въ этой человѣческой грязи видитъ свѣтлыя стороны и останавливается на нихъ съ любовью и съ вѣрой въ будущее.

Нельзя того-же сказать о г. Чеховѣ. Этотъ чистый художникъ, объективно изучая жизнь, по временамъ рисуетъ картины, страшныя по своей неумолимой правдѣ и уже ни въ какомъ случаѣ не внушающія никакого оптимизма. Его идейныя произведенія не даютъ того чисто эстетическаго впечатлѣнія, которое является печатью истиннаго творчества; въ такихъ

произведеніяхъ онъ неровенъ и на ряду съ великолѣпными подробностями чувствуется слабость и даже просто безсиліе мысли. Но г. Чеховъ становится по истинѣ замѣчательнымъ мастеромъ, когда, не мудрствуя лукаво, подчиняясь своему художественному чутью, онъ изображаетъ жизнь, объективно и просто. Давно уже въ русской литературѣ не появлялось такой замѣчательной вещи, въ смыслѣ художественнаго воспроизведенія жизни, какъ его «Мужики», напечатанные въ апрѣльской книжкѣ «Русской Мысли». Авторъ въ этомъ разсказѣ, въ которомъ, собственно говоря, нѣтъ никакого опредѣленнаго содержанія, даетъ просто рядъ картинъ деревенской жизни. Дѣло, видите-ли, въ томъ, что лакей при московской гостинницѣ «Славянскій базаръ», Николай Чикильдѣевъ, заболѣлъ. У него онѣмѣли ноги и измѣнилась походка, такъ что однажды, идя по корридору, онъ споткнулся и упалъ вмѣстѣ съ подносомъ, на которомъ была ветчина съ горошкомъ. Пришлось оставить мѣсто. Какія были деньги, свои и женины, онъ пролѣчилъ, кормиться было уже не на что, стало скучно безъ дѣла, и онъ рѣшилъ, что, должно быть, надо ѣхать къ себѣ домой, въ деревню. Дома и хворать легче, и жить дешевле; и не даромъ говорится: «дома стѣны помогаютъ». Приѣхавъ онъ въ свое Жуково подъ вечеръ. Въ воспоминаніяхъ дѣтства родное гнѣздо представляется ему свѣтлымъ, уютнымъ, удобнымъ, теперъ-же, войдя въ избу, онъ даже испугался: такъ было темно, тѣсно и нечисто. Приѣхавшія съ нимъ жена Ольга и дочь Сапа съ недоумѣніемъ поглядывали на большую, непріятную печь, занимавшую чуть-ли не полъ-избы, темную отъ копоти и мухъ. Сколько мухъ! Печь покосилась, бревна въ стѣнахъ лежали криво, и казалось, что изба сію минуту развалится. Въ переднемъ углу возлѣ иконъ были наклеены бутылочные ярлыки и обрывки газетной бумаги—это вмѣсто картинъ... Таковы были впечатлѣнія первой минуты; весь разсказъ г. Чехова есть не болѣе, какъ передача дальнѣйшихъ впечатлѣній нашихъ странниковъ, при чемъ авторъ рисуетъ нѣсколько случайныхъ сценъ, просто, безыскусственно, съ великой художественной правдой. Вотъ, напримѣръ, небольшая сценка, на которой Николай присутствуетъ въ родной избѣ, сейчасъ-же послѣ своего прихода: «По случаю гостей, поставили самоваръ. Отъ чая нахло рыбой, сахаръ былъ огрызанный и сѣрый, по хлѣбу и посудѣ сновали тараканы; было противно пить, и разговоръ былъ противный—все о нуждѣ да о болѣзняхъ. Но не успѣли выпить по чашкѣ, какъ со двора донесся громкій, протяжный пьяный крикъ:—Ма-арья!—Похоже, Кирьякъ идетъ, — сказалъ старикъ.—Легокъ на поминѣ.—Всѣ притихли.—И немного погодя, опять тотъ-же крикъ, грубый и протяжный, точно изъ-подъ земли:—Ма-арья!—Марья, старшая невѣстка, поблѣднѣла, прижалась къ печи, и какъ-то странно было видѣть на лицѣ у этой широкоплечей, сильной, некрасивой женщины выраженіе испуга. Ея дочь, та самая дѣвочка, которая сидѣла на печи и казалась равнодушной, вдругъ громко заплакала.—А

ты чего, холера?—крикнула на нее Оекла, красивая баба, тоже сильная и широкая въ плечахъ.—Не бось, не убьешь!—Отъ старика Николы узналъ, что Марья боялась жить въ лѣсу съ Кирьякомъ и что онъ, когда бывалъ пьянъ, приходилъ всякій разъ за ней и при этомъ шумѣлъ и билъ ее безъ пощады.—Ма-арья!—раздался крикъ у самой двери.—Вступитесь Христа-ради, родименькіе,—зацепетала Марья, дыша такъ, точно ее опускали въ очень холодную воду.—Вступитесь, родименькіе... Заплакали всѣ дѣти, сколько ихъ было въ избѣ, и, глядя на нихъ, Саша тоже заплакала. Послышался пьяный кашель, и въ избу вошелъ высокій, чернобородый мужикъ въ зимней шапкѣ и оттого, что при тускломъ свѣтѣ лампочки не было видно его лица—страшный. Это былъ Кирьякъ. Подойдя къ женѣ, онъ размахнулся и ударилъ ее кулакомъ по лицу, она же не издала ни звука, ошеломленная ударомъ, и только присѣла, и тотчасъ же у нея изъ носа пошла кровь.—Экой срамъ-то, срамъ,—бормоталъ старикъ, взлезая на печь.—При гостяхъ-то, грѣхъ какой!—А старуха сидѣла молча, сгорбившись, о чемъ-то думала. Оекла качала люльку... Видимо сознавая себя страшнымъ и довольный этимъ, Кирьякъ схватилъ Марью за руку, потащилъ ее къ двери и закричалъ звѣрежь, чтобъ казаться еще страшнѣе, но въ это время вдругъ увидѣлъ гостей и остановился.—А, прѣехали...—проговорилъ онъ, выпуская жену.—Родной братецъ съ семействомъ...—Онъ помолился на образа, пошатываясь, широко раскрывая свои пьяные, красные глаза, и продолжалъ:—Братецъ съ семействомъ прѣехали въ родительскій домъ... изъ Москвы, значить... Первопрестольный, значить, градъ Москва, мать городовъ... Извините...—Онъ опустился на скамью около самовара и сталъ пить чай, громко хлебая изъ блюдечка, при общемъ молчаніи... Выпивъ чашекъ десять, онъ склонился на скамью и захрапѣлъ».

Такихъ сценъ, поражающихъ своей бессмысленной жестокостью, недѣльнымъ звѣрствомъ, въ рассказѣ г. Чехова найдется нѣсколько. Онѣ напоминаютъ подобныя-же сцены въ «La Terre» Золя, но французскій беллетристъ далеко не достигаетъ того реализма, отъ котораго дѣлается жутко. Золя обвинялся въ клеветѣ на французскаго крестьянина. Золя оправдался блистательно, доказавъ, что онъ ничего не сочинялъ и почти цѣликомъ передалъ дѣйствительность. Г. Чехову такого обвиненія нечего бояться, потому что наша литература изъ народнаго быта не разъ воспроизводила подобнаго-же рода сцены, хотя и не съ такой непосредственной, художественной правдой. У Золя, однако, вы не встрѣтите ничего похожаго на другую сценку, въ иномъ тонѣ, хотя столь же непосредственно правдивую: «Марья рожала тринадцать разъ, но осталось у нея только шестеро и всѣ—дѣвочки, ни одного мальчика, и старшей было восемь лѣтъ. Мотыка босая, въ длинной рубахѣ, стояла на припѣкѣ, солнце жгло ей прямо въ темя, но она не замѣчала этого и точно окаменѣла. Саша стала съ нею рядомъ и сказала, глядя на церковь:—Въ церкви Богъ живетъ! У людей горятъ ламны, да свѣчи, а у Бога

лампадки красненькія, зелененькія, синенькія, какъ глазочки. Ночью Богъ ходитъ по церкви, и съ нимъ Пресвятая Богородица и Николай угодничекъ—тупъ, тупъ, тупъ... А сторожу страшно, страшно.. И—и касатка!—добавила она, подражая своей матери.—А когда будетъ свѣтопредставленіе, то всѣ церкви унесутся на небо.—Съ ко-ло-ко-ла-ми?—спросила Мотыка басомъ, растягивая каждый слогъ.—Съ колоколами. А когда свѣтопредставленіе, добрые пойдутъ въ рай, а сердитые будутъ горѣть въ огнѣ вѣчно и неугасимо, касатка. Моей мамѣ и тоже Марья Богъ скажетъ: вы никого не обижали и за это идите направо, въ рай, а Кирыку и бабкѣ скажетъ: а вы идите налево, въ огонь. И кто скоромное ѣлъ, тотъ тоже въ огонь. — Она посмотрѣла вверхъ на небо, широко раскрывъ глаза, и сказала: — гляди на небо, не мигай, — ангеловъ видать, — Мотыка тоже стала смотрѣть на небо, минута прошла въ молчаніи. — Видишь? — спросила Саша. — Не видаю, — проговорила басомъ Марья.—А я вижу. Маленькіе ангелочки летаютъ по небу и крылышками—мелькъ, мелькъ, будто комарики.—Мотыка подумала немного, глядя въ землю, и спросила:—Бабка будетъ горѣть? — Будетъ, касатка». Не напоминаетъ-ли эта тонко и нѣжно написанная сценка «Ганнеле» Гаупмана?—Это — тѣ-же типы, тотъ-же художественный приѣмъ, то-же пониманіе народной фантазіи.